

18+

Геннадий Мурзин

Нереальное - реально

Нечто сродни мистике

Геннадий Мурзин

**Нереальное – реально.
Нечто сродни мистике**

«Издательские решения»

Мурзин Г.

Нереальное – реально. Нечто сродни мистике / Г. Мурзин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830213-8

Итак, книга «Нереальное — реально». В самом деле, мистика или нечто все же иное? Трудно определенно сказать. Во всяком случае, произведения, включенные автором в сборник, весьма любопытны. Многое загадочно и непостижимо, но этим и интересна книга, тем более, когда написана простым языком, без вычурностей и современных загибов, поэтому легко читается. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-830213-8

© Мурзин Г.
© Издательские решения

Содержание

Мечтать – не вредно	7
Сладостное испытание	9
Старый гриб	12
Чудинка психопата	14
Правдоруб	15
Странная история	18
Искушения грешника	21
1	21
2	23
Прощай, иллюзия	25
Последняя воля	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

**Нереальное – реально
Нечто сродни мистике
Геннадий Мурзин**

© Геннадий Мурзин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Геннадий Иванович Мурзин, публицист и литератор (автопортрет)

Мечтать – не вредно

– Пошли, мужики. Не будем писателю мешать, – мотая в мою сторону рыжеволосой и кудлатой головой обычно говорил испытанным голосом Олег Игнатов, организатор и вдохновитель вечных пьяных застолий.

Парни с пониманием кивали и молча десантировались в соседнюю общежитскую комнату, где и продолжали гульбу.

И что же писал тогда, в далеком 1959-м? Прозвище, конечно, прозвищем, но я и в самом деле возомнил себя на тот момент писателем. А творил я повесть о войне. Откуда фактура? Из рассказов отца. Сюжет таков: танковый полк оказывается в окружении, командование принимает решение: прорываться с боем. Завязывается сражение. Но силы слишком неравны. Один за другим горят танки, гибнут их экипажи. Но гвардейцы с прежним ожесточением противостоят проклятым фашистам. Командир, истекая кровью, целует гвардейское знамя полка и просит командира одного из танков гвардии младшего лейтенанта Морозова сберечь символ боевой чести воинского соединения. Морозов торжественно принимает из рук комполка знамя и клянется доставить его в целостности и сохранности к своим. Морозову действительно удается оторваться от фашистов, но потом все-таки и его машину подбивают. Морозов покидает горящую машину и лесами, болотами, из последних сил, теряя в стычках с немцами последних боевых товарищей, идет к своим. И выходит. И выносит боевое знамя полка. Свои его торжественно встречают. Радуются. Младшего лейтенанта Морозова вызывает сам маршал Конев, троекратно, по русскому обычаю, целует и прикрепляет к пропахшей гарью гимнастерке орден Красного Знамени, а потом подносит ему граненый стакан русской водки и произносит тост: «За мужество и героизм русского офицера-солдата!»

Написал повесть, помнится, быстро, перечитал, поправил, переписал начисто в общую тетрадь и бандеролью отправил... Свое «гениальное» творение не мог, понятное дело, доверить абы кому, первому встречному журналисту или заштатному, с провинциальным запахом, журналу. Посчитал, что моя повесть явится украшением журнала «Огонек» – самого популярного тогда издания. Да, чего там мелочиться. Публиковать так уж публиковать. Не в многотиражке же!

Одна неделя сменяла другую. Приходя со стройки¹, у вахтерши общежития каждый день с душевным трепетом спрашивал:

– Тетя Шура, мне... ничего?..

– Ждешь? Письмо?

Я с придыханием, боясь вспугнуть маленькую надежду, отвечал:

– Д-д-да.

– Нет, голубок, ничего тебе нет.

Понурился печально голову, отходил. Но по-прежнему не терял надежду.

В одну из ночей...

...Вижу, будто прихожу с работы, а меня встречает сияющая тетя Шура. Она, размахивая в воздухе объемным заштемпелеванным вкривь и вкось конвертом, радостно возвещает, пританцовывая: «Письмо, тебе письмо, голубок!»

Хватаю конверт, тут же разрываю, достаю оттуда лист бумаги, начинаю читать. Точнее – гляжу в конец письма и вижу, что его подписал сам главный редактор «Огонька», сам великий писатель Софронов. Только потом возвращаюсь к началу письма и читаю:

«Дорогой брат по перу!»

¹ В тот период работал каменщиком в одном из строительных управлений уральского города Кушва (*здесь и далее примечания автора*).

Я с огромным вниманием лично прочитал твою повесть «Преодоление» и был просто-таки потрясен той правдой жизни, которая содержится в твоём, не побоюсь этого слова, по-настоящему талантливом произведении.

Поздравляю! Крепко жму твою мужественную руку, коллега!

Я счастлив, что нашему полку гениальных советских писателей прибыло.

Я рад сообщить, что в одном из ближайших номеров моего журнала твоя рукопись увидит свет, и миллионы читателей смогут познакомиться с твоим творением.

Я буду рад, если ты, дорогой коллега, удостоишь мой журнал следующими твоими романами.

Кстати. Твою рукопись я взял на себя смелость показать товарищу Хрущеву Никите Сергеевичу. Он – в восторге и считает, что твоё произведение следует выдвинуть на соискание Ленинской премии в области литературы.

Будешь в столице – заходи. Выпьем по чарочке, по нашей, фронтовой.

До встречи, собрат по перу!

С величайшим уважением к тебе и твоему таланту – Анат. СОФРОНОВ»

Эмоции хлещут через край и я дико кричу во всю мощь:

– Ура! Есть! Победа! Я победил!..

И тут просыпаюсь, открываю глаза и вижу лицо сожителя по комнате Олега Игнатова, который трясёт меня за плечо.

– Что с тобой, писатель? Чего орешь, оглашенный?

Я молча (недоволен, что разбудили на самом интересном месте) поворачиваюсь на другой бок и вновь засыпаю в надежде досмотреть столь приятный сон до конца. Но, увы...

Сладостное испытание

Вчера, когда задувало с севера, было довольно свежо, сегодня, когда ветер с юга, – жарко и душно. Средний Урал... Чего от него ждать-то?

...Стою напротив большой рубленой избы. Вижу: створка одного из низко посаженных окон полуоткрыта. Значит, есть кто-то дома. Сворачиваю с дороги и подхожу. Распахиваю настежь оконную створку, приподнимаюсь на цыпочки и заглядываю внутрь. У окна – она! По юному полуовалу лица блуждает счастливая улыбка, а васильковые глаза, чуть припухшие и потому по форме напоминающие спелую сливу, заглядывают мне в душу.

– Привет! – говорю и посылаю собственную улыбку, при этом на моих щеках появляются очаровательные и неотразимые (такого мнения придерживаются женщины) глубоко посаженные ямочки.

Замечаю: в глубине комнаты ходят люди, которых я не знаю.

– Здравствуйте, – тихо отвечает девушка и меня обдает жаром своей юности. Потом чему-то громко смеется и озорно встряхивает небольшой головкой. На лоб и часть лица падает длинный, выющийся на конце, русый локон, прикрыв собой один из ее глаз.

– Вернулась? – спрашиваю я.

Спросил, не зная, о чем. Спросил, очевидно, первое, что пришло на ум. Ездила девушка куда-либо или нет – мне неизвестно. И вообще: кто это юное создание? Ее образ мне кого-то смутно напоминает. Но кого?! Силюсь, а вспомнить не могу. Да и что я делаю, в конце концов, возле этого окна?

Девушка удивляет своим ответом:

– Да... Еще вчера, – и спешит пояснить. – Летала в Нью-Йорк.

– Вот оно что... И как? Террористы не шалили?

– Обошлось, – отвечает девушка и вновь обжигает меня взглядом.

Я говорю:

– Понавезла, пожалуй, всякой всячины, разных заокеанских диковинок.

Девушка кивает:

– Было, – она нагибается, достает из-под ног несколько футболок и кладет на подоконник.

Беру в руки одну из них, с изображением статуи Свободы на груди и надписью на английском языке, в котором я – ни бельмеса, прикидываю к себе и, огорчившись, замечаю:

– Подростковая... Что, все такие маленькие? – спрашиваю и делаю обиженное лицо.

– Остались только эти... На всех не хватило... Возьмите... Внуку подарите... Будет рад...

Надуваю губы и гляжу в сторону.

– Я – не «все».

И чем я такой особенный? Кто объяснит? Кстати, откуда это милое существо знает, что у меня есть внук? Поражает и, в то же время, чувство такое, будто девушку знаю целую вечность.

Обида быстро прошла и я, подтянувшись на руках, ставлю одно колено на подоконник, демонстрируя намерение таким способом проникнуть внутрь дома.

– Можно? – с некоторым опозданием спрашиваю я, спрашиваю, скорее, ради формы.

Девушка громко смеется в ответ.

– Конечно, можно, но почему через окно, когда есть двери?

– Ах, да... Верно...

Спрыгиваю молодежато (совсем не по возрасту) на землю, иду через калитку во двор и оказываюсь...

...Я лежу на мягкой кушетке и смотрю в потолок. Там несколько сучков на потолочных плахах образуют нечто, напоминающее небесное созвездие, – Большую Медведицу. Лежу,

не стыдась проходящих мимо каких-то людей, уже в одних коротеньких трусиках. Почему? И когда скинул брюки? Зачем? Может, из-за духоты? Ну, нет: в деревянной избе – прохладно и дышится легко даже в самый нестерпимый зной.

Мимо прошла, скосив в мою сторону влажный взгляд, та девушка. Еще и еще раз продефилировала. На ней – очень коротенькое и легонькое ситцевое платье, а плечи окутывают густые и длинные русые волосы.

«Хороша! – про себя восклицаю я. – Как только-только поспевшее яблоко... И – ни грамма макияжа».

Душа томится. Как сладко!.. От одних лишь предположений, а что если на самом деле?.. Помереть!..

Проходя мимо в седьмой раз, девушка вдруг останавливается напротив, подумав о чем-то несколько секунд, ложится рядом. Я – освобождаю ей место на узкой кушетке, придвинувшись ближе к спинке. Приподнимаю ее головку, просовываю свою руку и прижимаю к себе. От ее волос веет чистотой и свежестью луговых трав. Я нестерпимо хочу эту девушку, готов взять ее и овладеть одним рывком, по-звериному. Однако что-то останавливает.

Левая ее ладонь, мягкая и горячая, шаловливо скользит по моей груди, продвигаясь все ниже и ниже. И вот уже пальчики на вздувшемся бугорке трусиков. Находит девушка то, что хочет, и сильно надавливает, а потом с тем, что нашла, начинает играть через трусики. Сексуальное влечение становится невыносимым. Я со стоном выдыхаю и говорю тихо-тихо, целуя легонько девушку в глаза:

– Что ты со мной делаешь?.. Я же – живой!..

Девушка только улыбается и ничего не говорит. А потом, того хуже, начинает поднимать вверх, то одну, то другую ногу, показывая, до чего они стройны. В самом деле, ножки замечательные: не лытки с сухожилиями, как у некоторых, а с крепкими и упругими мышцами, играющими при каждом движении.

Красавица продолжает сексуальные телодвижения. Вот, отвернувшись, выпятив в мою сторону ягодицы, оказавшись на боку, стала демонстрировать и эту часть прелестей – небольшую, но такую аппетитную. Подол платья задрался, и показались крохотные оранжевые с белыми полосками трусики, впившиеся своими краями в полушария.

Я застонал:

– Изнемогаю... Какое испытание...

Девушка резко повернулась и горячо задышала в мое ухо.

– Возьми меня!.. Скорее, ну!.. Так хочу!

А мимо проходят какие-то люди, бросают в нашу сторону взгляды, не произнося ни слова, лишь понимающе улыбаясь, проходят.

Я резко отстранился.

– Что ты говоришь?!

– Не хочешь, да? – заглядывая мне в глаза, обидчиво (так мне показалось) спросила она.

– Ну, что ты! Как можно тебя не хотеть?! Из последних сил держусь...

– Зачем?..

– Странный вопрос... Затем, чтобы не обвинили в совращении малолетки.

Девушка обиженно отвернулась.

– Я – не малолетка!

– А кто же?

– Девушка... Мне три дня назад исполнилось восемнадцать... И сама распоряжаюсь своей судьбой.

Я продолжаю возражать:

– Пусть так, но все равно... У нас такая большая разница в возрасте.

– Причем тут возраст!? – воскликнула девушка, и в краешках глаз появились слезы.

– Притом! – по-стариковски назидательно сказал я. – Уж больно неравные отношения.
– А если я люблю?..
– Кого?!
– Вас! – выкрикнула девушка и отвернулась. Всклипывая, продолжила вопросом. –
Помните, ваш день рождения?
– Слава Богу, на склероз не жалуюсь, – иронично ответил я.
– Так вот... Вы получили странную поздравительную открытку?
– Да... Была одна... Без подписи... По подчерку определил: женской рукой подписана...
Это было страстное признание в любви... Подумал, что кто-то разыгрывает.
– Это – моя открытка.
– Да?.. Ну... Даже не знаю, что сказать... Если это правда, то я, как порядочный человек, обязан жениться, но...
– Что вам мешает?
– Повторяю, девушка, еще раз: это будет слишком неравный брак... Не хочу портить тебе молодую жизнь... Ты найдешь еще себе парня и будешь счастлива.
– А я хочу быть с вами... Только с вами... И буду счастлива... Так, как ни с кем больше.
– Ты преувеличиваешь... Максимализм молодости... Пройдет...
– Никогда-никогда не пройдет! – девушка зарыдала.
Взяв девушку за плечи, потянул на себя. Она не сопротивлялась. Наоборот, впивалась в меня, крепко-крепко придавливая свой лобок к моему лобку. Я стал целовать в глаза, осушая девичьи слезы. Она выгнула спину, и по молодому телу пробежали судороги. Руки девушки ухватились за мои трусы и...
...Противно завывала сирена: это – сработала чья-то автосигнализация, вой проникал в квартиру через форточку. Проклиная всё и вся, отодрал голову от подушки, посмотрел в окно. Между штор крался узкий ранний лучик солнца. Подумал: не больше шести.
– Гады, – проворчал я, и голова вновь упала на подушку. – На самом интересном!..
Попытался вновь уснуть и увидеть продолжение. Но, увы... Хорошего – помаленьку.
Долго лежал, плотно закрыв глаза, а в голове вертелось одно и тот же: «Если вижу такие сны, то жизнь моя продолжается и у нее все еще есть будущее...»

Старый гриб

...Руководитель, исподлобья глядя в мою сторону, цедит:

– Назначаю (так и быть) главным редактором газеты...

Я встаю, обидчиво произношу тираду. Руководитель не слышит. Ну, ясно: гнев мой лишь в мыслях. Это странно. Боязно вслух произнести? Прежде ничего подобного за собой не замечал. Лупил любому правду-матку только так.

Паузу прерывает руководитель. Он бросает в свойственной ему манере:

– Приступай!..

Я выхожу. Спускаюсь по широкой мраморной лестнице со второго этажа на первый, поворачиваю направо и иду в глубь длинного коридора. Иду и думаю ворчливо: «А когда-то, в прежнюю мою бытность, редакция располагалась на третьем этаже».

Редакция сейчас занимает две смежных комнаты. Вновь мысль: «А тогда имели пять комнат».

Вхожу. Никто даже головы не повернул в мою сторону. Одни – гоняют чай, другие – в шашки играют, третьи – вяжут носки.

– Привет, коллеги! – хочу выглядеть этаким бодрячком, будто мне всё нипочем, даже море по колено. – Плохо встречаете главного редактора. Что так? Откуда холодок и такое равнодушие?

Вера Сарварова откладывает в сторону недовязанный носок, протыкает иглой клубок ниток, еще ниже спускает на лоб черный платок.

– А, это ты... Что надо? Хочешь, научу вязке носок?

Смотрю и с трудом узнаю. Думаю: «Тогда была интереснее. Не красавица, а все же... Постарела, сильно постарела. Ну и я ведь за прошедшие годы не помолодел».

Я со злостью отвечаю:

– Пришел сюда, чтобы вас отучить от вязки носок, а не наоборот.

– Кто ты такой, чтоб отучать? – Вера хмурится.

– Не надо прикидываться: все и всё уже знают.

– Да? Я, представь себе, ничего не знаю.

– Ты?! – восклицаю я. – Первая сплетница и не знаешь?

– Обижаешь, – смиренно говорит Вера и крестится.

Думаю: «Странная какая. Прежде бы такие истерики закатали, а тут...»

– Я, – стараюсь говорить с апломбом, чтобы слова звучали весомее, – новый главный редактор.

– Новый, но со старыми дырами, – замечает Вера и хмыкает.

Там, в дальнем углу комнаты, один из играющих в шашки Владимир Попов прыскает: это его естественная реакция на женский афоризм.

Я спрашиваю:

– Где ответственный секретарь?

Кто-то из гоняющих чай кивает в сторону соседней комнаты. Иду туда. Вижу, что Гоша Чуев, уронив плешистую голову на столешницу, храпит напропалую. От храпа на затылке, топорщась, вздрагивает единственный хохолок. Я трясусь за плечи.

– Пора просыпаться. Настало время браться за работу.

Чуев трясет головой, фыркает (видимо, сон прогоняет), отрывается от столешницы, смотрит на меня. И ворчит:

– Нет от тебя покоя. Угомонишься когда-нибудь или нет?

В ответ цитирую Блока:

– И вечный бой! Покой нам только снится.

Гоша соглашается.

– Он, то есть покой, мне и снился сейчас, а тут ты... Принес же черт!

– Не вспоминай черта всуе, – говорю я. – А пришел, чтобы расшевелить ваше болото и возродить вновь газету.

Чув скептически смотрит на меня и замечает:

– Сидел бы на печке, старый гриб, и не вонял тут.

Я взбеленился.

– На кого хвост топорщишь? На главного редактора, да? Ну, я тебе покажу!

– Не страшно... Не прежние времена.

– Разболтались без меня! Я научу всех, как свободу любить! – восклицаю и просыпаюсь.

Просыпаюсь оттого, что этажом выше, надо мной кто-то стучит по полу сапожищами.

Чуть-чуть жаль, что сон оборвался на самом интересном месте. Лежу, смотрю в темноту раннего утра и спрашиваю себя: «Что сие означает? Ведь не первый раз вижу нечто подобное. Думаю об этом? Неправда: все в давнем прошлом. И уж тем более не смею мечтать вновь занять кресло главного редактора».

Чудинка психопата

Некое присутственное место. Одни – сидят, другие, притулившись к стенке, – стоят, сучающе глядя по сторонам. Напротив меня, под потолком (повыше – надежнее, а то ведь стибрят) – экран телевизора. Заставка информационной программы и потом ведущая с печальной миной на лице начинает вещать: «Увы, но блок новостей вынуждена начать с трагедии, о которой нам стало известно только что...»

Я хмыкаю и громко, чтобы непременно все слышали, выкладываю свой комментарий:

– То же мне новость... Первая, что ли, трагедия?! Они следуют одна за другой и каждая траурнее предыдущей, – люди заозирались, найдя источник крамолы, то есть меня, с недоумением стали всматриваться. Поощряемый вниманием публики, с еще большим жаром продолжаю ораторствовать. – Пора нам трезво взглянуть на политическую ситуацию в России и признать: у нас – безвластие. В экономике – стабилизация (подобное положение когда-то называли более точно – застоем). В политике – словоблудие, безудержное восхваление одного лица и одной партии (это мы уже проходили и не раз). Я спрашиваю: за что возносят хвалу? За построение «вертикали»? Да, этот проект успешен, единственный, кстати, однако, – того больше возвышаю голос, – власть чиновника стала еще коррумпированнее, и мы достойно заняли по этому показателю сто двадцатое место в мире.

Оцепенение, похоже, прошло: очухавшись, люди зашикали на меня, красноречиво вертя пальцами у висков, а один, наклонившись к уху, зашептал:

– Люди в сером, гляди, снимают и записывают твою трепотню, – потом, осуждающе покачивая головой, спросил. – Приключений, да, ищешь на задницу?

Вполне советское предостережение соседа. Несмотря на умный совет, продолжаю энергичнее прежнего гнуть свою линию:

– Пора менять такую власть, прежде всего, президента. Люди, проснитесь! Оглянитесь вокруг! Кучка, близкая к власти, жирует, а мы, лохи, что?

Кто-то в первых рядах произносит:

– Спятил мужик... В психушку его, в психушку!

Грустно качая головой, обвожу публику взглядом. И тут замечаю одного из тех, которые в сером, грозящего издали мне пальцем: все, мол, попался, пескаришка проклятый; на крючочке у нас теперь, голубчик. Чувствую, как с боков начинают меня сильно теснить.

Только тут понимаю, что уже заблокирован, что свободы – тю-тю. Начинаю задыхаться. Становится страшно. Рывок в сторону выходной двери, однако держат цепко. Тогда истерично кричу:

– Не замолчу!.. Нет!.. Никогда!..

Чувствую, как по лицу начинают сползать слезинки. Становится жутко стыдно.

...Открываю глаза и долго не могу понять, сон это был или по правде смелую речь толкал в массы?

Правдоруб

То ли это красный уголок жилконторы, то ли иное присутственное место. Сюда нагрянул, окруженный прихлебателями, сам Эдгар Стессель, губернатор. Злой, как черт: седой головой трясет, слюной брызжет, матерится, будто ломовой извозчик. Что он здесь делает? Прибыл на разборку. Что я делаю тут же? Скорее всего, нарочным вызвали.

Россель сидит за грубо сколоченным столом и изучает тексты. Скрупулезно изучает, пристрасно, ни одну запятую не оставляет вне своего внимания.

Я же стою перед губернатором. Не на навтыжку, между прочим, стою, а таким независимым фертом и всем своим видом как бы говорю: меня, брат, на испуг не возьмешь.

Скосив глаз влево, вижу: в углу сидит ведущий информационно-аналитической программы четвертого канала Екатеринбургского ТВ Егор Овнин. Он молчит и лишь угрюмо смотрит на происходящее. В моей голове проносится: «Что он-то здесь делает и почему без привычных телекамер?»

А... Ну, ясно: присутствует на разборке в качестве соучастника, обвиняемого, соответчика по делу.

Вновь скосив в сторону Овнина глаз, подмигиваю: не бойсь, мол, выкрутимся; не в таких передрыгах бывал, а ведь жив, слава Богу. Овнин не откликается. Наоборот, отворачивается.

Стессель щелкает пальцами: это он так подзывает обслугу, то есть прихлебателей. Те всем гамузом устремляются к нему, но впереди всех, растолкав локтями, оказывается председатель облдумы Никита Воробьев. Он заискивающе и, скрючившись в полупоклоне, ест глазами губернатора.

– Фурычишь что-нибудь? – спрашивает Россель и тычет пальцем в ноутбук.

– Всенепременнейше, Эдгар Эдуардович, – отвечает Воробьев и скрючивается еще замысловатее.

– Ну, так найди! – командует Стессель.

Воробьев быстро-быстро стрекочет клавишами и находит.

– Извольте лицезреть, дорогой наш и незабвенный Эдгар Эдуардович, – говорит Воробьев и, не разгибая спины, пятясь, отступает, но продолжает преданнейше пожирать взглядом губернатора.

С моей стороны экран не виден. Любопытство разбирает: что там? Приподнимаюсь на цыпочки и заглядываю через верх. Понятно: диаграмма, которую вчера показал в своей программе Овнин; для диаграммы взяты данные из моих статей в Интернете. Уж как Овнин меня нашел – одному Богу известно.

– Лжешь, мерзавец! – кричит Стессель на меня, разглядывая диаграмму. – С чего, хрен собачий, взял, что уровень жизни в руководимой мною области неуклонно снижается? Статистики не знаешь, да?

В ответ хихикаю.

– Известно всем: есть ложь, есть большая ложь и есть еще чудовищная ложь, то есть статистика.

Стессель сверлит меня взглядом.

– Ну, не ханурик ли, а?! С кем, чувырло подзаборное, споришь?! – он протягивает в мою сторону огромный кулак, и я замечаю, что ко мне тянется что-то жутко волосатое и когтистое, не человечесьа рука, а лапа орангутанга. Губернатор привстает и шипит мне в лицо. – Такие, как ты, слизняк, все здесь у меня, понял?! Прикажу, и тебя по стенке размажут. Кто ты и кто я?! Никто мне не указ! Никто!

– А президент? – ехидно, с подначкой спрашиваю я.

– Этот, что ли? – он смотрит куда-то вверх и злорадно ухмыляется. – Да он... мне во всем верит... Ха-ха-ха! Дурачок ваш президент... Развожу его только так.

Я возражаю:

– Это не мой, а твой, Эдгар, президент, – говорю по-свойски, и сам удивляюсь своей смелости. – И вообще: не сверкай на меня своими глазами – не из пугливых.

– Ты – клеветник! – взвизгивает, как недорезанный поросенок, Стессель и в мою сторону летит слюнявый фонтан. – А с клеветниками знаешь, что полагается делать?

– Не знаю, – все с той же подначкой отвечаю я.

– Так сейчас узнаешь, – губернатор смешливо кивает в сторону крохотного квадратного оконца. – Они тебе сейчас покажут! Я руки о такую мразь пачкать не стану. Мой электорат за меня все сделает. И как сделает?! Любо-дорого!

Гляжу в оконце и вижу, как в нашу сторону течет взбаламученная толпа, состоящая из баб: что-то кричат и кулаками по верх голов размахивают. Впереди толпы – председатель женсовета, активистка «Единой России». Это она организовала группу поддержки.

Егор Овнин встает и презрительно сплевывает на пол.

– Меня – увольте! – говорит он и направляется к выходу. – В вашем идиотическом шоу участвовать не желаю, – Овнин громко хлопает дверью и скрывается.

Стессель цедит сквозь зубы:

– Рупор дерьмократии изволил удалиться. Тоже мне, птица. Мирюсь. Но до поры, до времени ведь. Лопнет терпение мое, и подрежу крылышки-то, ой, как подрежу.

Я снова подначиваю:

– Ты, Эдгар, на всё горазд. Кроме одного: за двенадцать лет так и не смог сделать жизнь народа достойнее.

– А это мы сейчас увидим и услышим, – хихикает Стессель. – Как говорится, глаз народа – глаз Божий. Народ уж близок, грядет твой час расплаты.

– Думаешь, боюсь, да? – спрашиваю, с прищуром разглядывая губернатора. – А вот и нет! Иду я сам толпе навстречу!

Выскакиваю из помещения. Вижу разъяренных старух. Уже издали кричу им:

– Остановитесь, дурочки!

Председатель женсовета, оглядываясь на ведомых, почему-то жалким голосом, похожим на голос председателя правительства области, пищит:

– Не слушайте! Он – провокатор! И большой баламут!

Я в ответ громко хохочу.

– Ха-ха-ха! Самый большой баламут в области – это ты. Баламут и демагог! Послушайте, что я скажу, – это я обращаюсь к толпе.

Толпа сбавляет бег, но напор ее не ослабевает. Самая разгоряченная бабонька кричит:

– Так, это ты виновник всей бучи?! Бабы, давайте разберем его на кусочки и по кусточкам раскидаем!?

Толпа, тяжело дыша, надвигается.

– Кого вы защищаете, кого? Вы, получающие скудную пенсию, на которую прилично жить невозможно, идете защищать человека-обманщика, человека жирующего? Вам обещана прибавка к пенсии в двести пятьдесят рублей, в то время как Стессель для себя сделал прибавку к своей зарплате в пятьдесят тысяч рублей сразу.

Услышав эту цифру, остановилась одна сморщенная старушонка.

– А не врешь?

– Сами можете спросить.

– Стоп, бабы! – машет сухонькой ручонкой старуха. – Надо разобраться.

Толпа останавливается, но продолжает полыхать жаром. Председатель женсовета, не замечая, что за ней уже никто не следует, продолжает столь же ретиво бежать и что-то лозунгово кричать.

Благоприятный момент и я им пользуюсь.

– Согласитесь, бабы: губернатор – не президент Америки, даже не президент России.

Старушонка чешет в затылке.

– Чего ты мелешь? Зачем приплетаешь Америку? Причем тут она?

– А притом! – кричу громко, чтобы слышали даже в задних рядах. Зарплата президента самой богатой и самой могущественной страны всего сто тысяч долларов...

– Ничего себе, – старушка качает головой, пытаюсь в голове, видимо, перевести на наши деньги. – Много получается.

– Совсем немного, – возражаю я. – Сто тысяч долларов в год, а в месяц получается, что восемь тысяч триста тридцать три доллара. Пересчитав по курсу (двадцать шесть рублей за доллар), оклад Буша получается двести шестнадцать тысяч шестьсот пятьдесят восемь рублей. Это у Буша, а у Стесселя...

– Ну, у него, конечно, меньше.

– А вот и нет! – радостно выкрикиваю я. – С первого апреля две тысячи седьмого года его оклад будет составлять двести тридцать тысяч рублей в месяц.

Старушка с сомнением качает головой.

– Чтобы Стессель получал больше, чем Буш, – не верю...

– А вы проверьте! Пойдите и спросите его самого.

Кто-то из толпы говорит:

– Если это правда, то...

– Правда! Правда! Правда! – задыхаясь, что меня начинают слушать, кричу я. – Облдума только что закон приняла. Всем бюджетникам зарплата повысится, – и ехидно добавляю. – Учителю на пятьсот рублей, а губернатору – на пятьдесят тысяч.

– Мда-а-а, – кто-то тянет вслух.

– Такова социальная справедливость, – торжественно заключаю я.

Мне хочется ликовать. Ведь удалось-таки раскрыть глаза одурманенной толпе. Но мне нечем дышать... Пот градом льется по мне.

...Просьпаюсь. Гляжу в окно: темно, значит, до рассвета еще далеко. В самом деле, вспотел, хотя все форточки – настежь. И понятно: батареи нагреты так, как не случается в лютые морозы. На улице же плюсовая температура. И не отключишь батареи. Я, выходит, за свой счет отапливаю атмосферу. Настолько богат?.. Нет, конечно: власть меня и всех других обязывает отапливать улицу. И ведь ничего с этим не поделать.

P.S. Кстати, о сне. Слышал, что сон со среды на четверг, – непременно в руку. Иду по одной из центральных улиц Екатеринбурга, по улице Куйбышева. Половина двенадцатого. Справа – длинный и высокий бетонный забор, за которым что-то строится (между прочим, давно), справа – проезжая часть улицы, по которой летят машины. Один спешищий на службу чиновник, проезжая на иномарке и на огромной скорости, обливает меня с головы до пят грязной снежной жижей. Обливает и уезжает. Что мне остается? Возвращаться в таком виде домой и долго отмываться.

...И все – счастливы!

Странная история

Зазвонил у меня телефон. Подошел, снял трубку. Слышу: знакомый голос. Это – приятель.

– Знаешь, – спрашивает Радис Сибагатуллин², – что на открытие волейбольного турнира приехал Ельцин? – я ответил отрицательно. – Ну, ты, брат, даешь: совсем впал в отшельничество.

Для порядка спросил:

– Где остановился?

– В «Атриум палас отеле», что на Куйбышева.

– Странно. Борис Николаевич прежде всегда останавливался в загородной гостевой резиденции.

Приятель рассмеялся.

– Это когда-то... А сейчас он – простой российский пенсионер, как мы с тобой.

Я фыркнул.

– Нашел кого и с кем сравнивать.

– А что такого? Мы – не люди, что ли?

– Люди, но не того полета, – ответил я. После секундной паузы спросил. – А тебя-то, с какой стати заинтересовал приезд Ельцина?

– Ну, как же! – пафосно воскликнул приятель. – Я же фанат российского волейбола. Это, во-первых. А, во-вторых, для журнала поручили сделать снимки.

– Ух, ты! – с долей сарказма откликнулся я. – Вон, как тебя заносит.

Сибагатуллин, не заметив сарказма, еще и похвастался:

– Допущен, только представь себе, и в личные покои именитого земляка.

– Позволят, думаешь, и там пощёлкать?

– Договорились. Есть пропуск, подписанный шефом протокола господином Шевченко.

– Надо же... Повезло... А не разыгрываешь?

– Нет. А кстати, – последовала секундная пауза, и Радис неожиданно предложил, – пойдем со мной.

– Как это? – растерянно спросил я.

– Очень просто.

– Кто меня пропустит? Охрана уже на входе в отель тормознет. Да и что я там буду делать?

Приятель расхохотался.

– Наконец-то признаешься в любви к Борису Николаевичу. Лично признаешься. Сам говорил, что у тебя есть, что сказать Ельцину.

– Да, есть, – подтвердил я.

– Ну, вот! Идем!

– Охотно бы, да...

– Проблем не будет, – Радис поспешил успокоить.

– Как это?

– Мой-то пропуск на двоих. Все в порядке, приятель.

– Если так, то...

В самом деле, нас пропустили, хотя уже на входе в отель долго-долго люди в штатском всматривались в мою фотографию в паспорте.

² Этот талантливый фотохудожник в 2011-м, на семьдесят первом году жизни покинул сей бренный мир. Значит, еще на одного близкого мне человека стало меньше.

Нас провели на второй этаж, полностью отведенный под временную резиденцию первого Президента России. Идем по коридору, а вокруг тихо-тихо. Даже наших шагов не слышно: ковровое покрытие глушит.

Входим в одну из дверей. Смотрю, с кресла поднимается он. Улыбается и протягивает большую свою ладонь. Пожимает, и я чувствую его силу рукопожатия. Говорит, прежде поправив свой знаменитый чубчик:

– Приветствую представителей уральской журналистики. Проходите, присаживайтесь, – он указывает на другие кресла, окружающие низкий круглый столик. Он стоит до тех пор, пока мы не устроились в мягких креслах, чуть не утонув в них.

Смотрю на первого Президента. Странно, думаю я, но он совсем не изменился за прошедшие двадцать лет: все также бодр, могуч и доброжелателен. А говорят, думаю я, часто болеет: не похоже, совсем-совсем не похоже. Констатирую: крепок уральский корень.

Из двери, что справа от меня, показалась жена. Легким поклоном поприветствовав нас, спросила:

– Кофе или что-нибудь посущественнее?

– Не стоит беспокоиться, – ответил я. В отличие от Бориса Николаевича, его жену, вижу вблизи впервые.

Радис поддержал меня.

– Да-да: мы – на работе. Спасибо.

Борис Николаевич шутливо сдвинул брови.

– Что вы за журналисты, если от «существенного» отказываетесь? Не узнаю, нет, не узнаю. Мелькает уральский народ, вырождается. Вон, москвичи: не успеешь предложить, а они уже губы облизывают.

Я попробовал оправдаться. Ельцин успокоил.

– Да пошутил я, мужики. А вот кофе, – он повернулся к жене, стоявшей за его правым плечом, – принеси, пожалуйста, – жена вышла, а Борис Николаевич, обращаясь уже к нам, сказал. Знаете, какой она кофе со сливками готовит?

– Неужели сама? – вырвалось из меня.

– Ну, конечно: слуг у нас нет. К тому же я обожаю все, что сделано ее руками.

Жена президента принесла крошечные чашечки с дымящимся ароматным кофе, поставила перед нами и вновь вышла.

Сибатуллин встал и стал готовиться к съемке. Я остался сидеть. Мы болтаем о каких-то пустяках. Радис, проверяя аппаратуру, сказал в своей привычной манере.

– Не мели, друг. Лучше скажи, какой ты фанат...

Я смутился. И стал что-то мямлить. Ну, насчет того, что фанаты бывают у артистов, а тут... Вижу, Борис Николаевич пристально разглядывает меня.

– А мы, кажется, встречались, – говорит он. Я утвердительно киваю. – Где? Когда?

Меня опережает приятель.

– Не раз встречались и вы, Борис Николаевич, во многом повлияли на его судьбу.

– Ну, да: знакомое лицо, – соглашается Ельцин.

– Ну и память у вас, – выдавливаю из себя.

– Не жалуюсь, – отвечает Ельцин и улыбается.

Сбивчиво объясняю обстоятельства знакомства и то, каким образом Борис Николаевич поучаствовал в моей судьбе. И тут понимаю, что мой монолог никто не слышит. Оказывается, произношу монолог лишь мысленно, не вслух. От того еще больше смущаюсь...

...Я – в коридоре, узком и длинном. Один. На полу нет никакого коврового покрытия. А стены покрашены в ядовито-зеленый цвет. Озираюсь. Не могу ничего понять, где я и что здесь делаю? Пытаюсь найти дверь президентского номера, где только что был и сидел рядом, а приятель снимал. Открываю одну скрипящую дверь за другой. Но вижу везде одно и то же:

ряды кроватей и людей в полосатых пижамах. Все хихикают и показывают на меня пальцами. Озаряет: я – в психушке и меня окружает больной российский народ. Мимо проходит детина. Догадываюсь: санитар. Он останавливается рядом, хлопает по плечу и дико ржет в лицо.

– Что, доигрался, голубчик?

– Что я здесь делаю? – отвечаю вопросом на вопрос.

– То, что и другие, – небрежно бросает санитар и продолжает ржать.

– Но я не больной, – решительно начинаю возражать.

– Все наши пациенты так говорят... А у тебя, голубчик, самое распространенное: мания величия.

– Не замечал, – парирую в ответ.

– А зачем поперся к Ельцину, а? Что ты у него забыл? Кто ты и кто он?

– Но... Я хотел поблагодарить... И сказать, что я его поклонник, почитатель... Был и остаюсь. Что тут плохого?

– Плохого? – переспросил санитар. И ответил. – Ничего. Полечим и избавим тебя от навязчивой идеи.

– Я – не нуждаюсь в лечении.

– Ну, голубчик, чекистам – виднее.

– А причем тут чекисты?

– А ты не знаешь?

Я отрицательно мотнул головой.

– Не знаю.

– Ты – пациент спецпсихушки.

– То есть?

– Тебя опекают чекисты. А из их лап вырваться не так-то просто.

– Я ничего не сделал. Ни в чем не виноват.

– Да? Чекисты просто так к себе не водворяют. Набедокурил, голубчик, набедокурил.

– Ну, что вы, сударь, мелете?! – выкрикиваю я. – Сейчас, вот, возьму и уйду. Плевать хотел на чекистов.

– Ну-ну, – санитар, хмыкнув, скрылся за одной из многочисленных дверей.

Решительно направился в конец коридора, никто мне не встретился и никто не остановил, спустился на первый этаж, но на вахте меня взяли под руки двое в штатском. Стал орать и вырываться.

– Спокойно, пациент, спокойно, – равнодушно произнес один.

– Вы кто? Чекисты, да?

– Они самые, милый, они самые.

– Отпустите меня! Немедленно! – выкрикнул я.

Один из чекистов все так же равнодушно сказал:

– Отпустим... Да-да, обязательно отпустим. Но прежде оденем смирительную рубашку.

– Олухи! – кричу. – Рубашку можно надеть, но не одеть. Тупицы, – ору во всю мочь. – Языка родного не знаете, а всё туда же.

Барахтаюсь. Но делать это все труднее и труднее. Чувствую, что движения скованы. Значит, догадываюсь я, надели-таки смирительную. Напрягаюсь, что есть мочи. Тужусь. Пот градом льется. Еще рывок и...

...Открываю глаза. Душно. Весь мокрый. Во рту пересохло. Встаю, иду на кухню, достаю из холодильника минералку. Нашу, «Обуховскую». Прямо из горла выпиваю половину бутылки. Взгляд скользит по часам: половине пятого. Возвращаюсь в постель, но уснуть не удается. Да и в этот раз не очень хочется, чтобы вернулся прежний сон.

Искушения грешника

1

Не что иное, как заводской цех металлообработки. Полумрак. Наверху, под самой крышей, на фермах висят мощные лампы накаливания, но, покрывшись слоем металлической пыли, дают мало света. Слева и справа от меня множество станков – токарных (даже дедушка ДИП-200 все еще на службе), сверлильных, фрезерных. Станки делают свое дело. Кто за ними? Со спины их лиц не видать. Ни одного. Слева, в самом дальнем углу бешено вращается шпиндель одного-единственного деревообрабатывающего станка, в котором закреплена липовая болванка и в разные стороны от которого летит крупная стружка.

Мысленно спрашиваю себя: «А что я-то здесь делаю? Работаю? Но я и в юности-то токарем был, если честно, никудышным, а нынче, в мои-то лета и подавно». Эта мысль скорёхонько пришла и, не дождавшись разрешения, не менее быстро ушла.

Озираюсь. Хоть и близорук, а вижу, как по центральному проходу идут две девочки. Идут в мою сторону. Оцениваю и прихожу к выводу, что девочкам по восемнадцать. Спрашиваю опять же себя: «Что в цехе делают малолетки? На школьной практике, что ли?» Идут девочки и о чем-то щебечут: из-за шума станков слов не различить. Фиксирую: «Свежие и красивые, особенно та, которая справа; и ростом она чуть ниже, и волосы (ну, чистый каштан!) локонами лежат на крутых голых плечиках, и прелестный овал личика, на нем – улыбка, а на обеих чуть-чуть припухлых щечках – ямочки; осиная талия и стройные ножки; розовеющие губки бантиком влажны и слегка приоткрыты, показывающие два ряда беленьких мелких зубов. Думаю: «Во, старый болван! Когда захочет, всё узрит!»

Меня почему-то ничуть не удивляет, что обе девочки почти голы. Почти, потому что на них лишь очень коротенькие юбочки, слегка прикрывающие их главные прелести. Даже без лифчиков. Впрочем, по моему мнению, им лифчики не нужны: их груди аккуратны, судя по всему, упруги и в дополнительной поддержке не нуждаются. Тела их крепенькие, как и плоские животики, походка плавная, идут, будто по подиуму, хотя вокруг от резцов брызжет окалина, и летят куски раскаленной металлической стружки. Думаю: «И ведь не боятся, чертовки!» Я хмыкаю и делаю вывод: жаркие, пожалуй, девчонки и, главное, – никакого целлюлита у прелестниц.

Смущенно отвожу взгляд и делаю вид, что девчонки меня не интересуют. Но в мыслях жажду, чтобы девчонки остановились возле меня, чтобы еще полюбоваться их молодостью.

Девочки, увы, не ко мне: проходят мимо, даже не взглянув в мою сторону. Они сворачивают к станку, что слева от меня. О чем-то спрашивают токаря. Тот отрицательно крутит головой. У меня предположение: девчонки из ОТК, интересуются, когда будет выполнен заказ. Удивлен поведением токаря. Даже не повернулся и не перестал работать, всем своим видом показывает, что эти юные особы его не интересуют, хотя он намного моложе меня, а посему...

Девчонки продолжают стоять. Боковым зрением продолжаю за ними наблюдать. Девчонки, беспрестанно хохоча, о чем-то разговаривают между собой.

Я уже не в силах притворяться равнодушным к этим поистине чудесным творениям природы. Бочком, бочком, будто случайно, придвигаюсь к ним. Уже рядом.

– Привет! – говорю я.

Девчонки смотрят в мою сторону. Смотрят, как мне кажется, очень даже благожелательно, если судить по их блеску глаз. Та, у которой каштановые волосы и которая мне больше всего по нраву (хотя... в моем ли возрасте выбирать?) раскрывает губки-бантики.

– Привет, – отвечает она без видимого энтузиазма.

Ее понимаю и не обижаюсь: всякому овощу – своя пора.

– Какие вы...

Хочу сказать многое, вблизи разглядывая этих прелестниц, но у меня нет слов, чтобы выразить обуревающие старика чувства.

Мною выбранная девчонка, догадавшись, хихикает.

– Ничего ведь, да?..

Мне отказывает самообладание, поэтому восклицаю:

– Какое!.. Вы – нимфы!.. Эх, где годы молодые!.. Вернуть бы... Тогда бы...

– Половеласничал, поди? – спрашивает, хохоча, моя избранница. – Попортил, да, девчонки немало? – она озорно встряхивает головой, каштановые локоны взлетают вверх и плавно опадают вновь на плечи.

– Да уж... – скромничая, отвечаю неопределенно.

Девчонка оценивающим взглядом скользит сначала по лицу, испещренному морщинами-отметинами времени, потом все ниже и ниже и останавливается на ширинке. Понимаю, что привлекло ее внимание – предательский бугорок выпирает. Мне под ее взглядом чуть-чуть неловко, но с природой-матерью разве что поделаешь?

– Да ты и сейчас, кажется, кое-что сможешь, – она хохочет и кивает в сторону моей вздутой ширинки. – Старый конь, кажется, борозды не попортит.

– Увы, увы, – с сожалением отвечаю я, – такой конь мелко пашет... Так в народе принято считать...

– Надо сначала увидеть «пахоту», а уж потом и судить.

Девчонка сеет в моей душе надежду. Я не могу оторвать глаз от ее озорно торчащих небольших грудей, которым всегда отдавал явное предпочтение. Я протягиваю руку (точнее – она сама тянется), дотрагиваюсь, глажу, чувствую их тепло и упругость. Вижу результат: сосочки напряглись и порозовели. Моя избранница, что странно, совсем не препятствует. Она смотрит на меня и поощрительно улыбается. И я отваживаюсь на большее. Я, склонившись, своими разгоряченными губами прикасаюсь к ее оголенному пупку и начинаю водить языком.

– А ты, дедуль, еще тот озорник! – вскрикивает девчонка и, схватив подружку за руку, тащит ее к выходу из цеха.

Они скрываются за дверью. Во мне заговорил самец. Я, полностью управляемый природным инстинктом, иду следом за девчонками. Явного приглашения не было, однако... Мне показалось, что они не прочь позабавиться.

Выхожу из цеха, а там – скверик, заросший, а потому тенистый, где немало укромных уголков. Озираюсь, но красоток не вижу. И провал...

2

Екатеринбург. Улица Малышева. Современный особняк из красного кирпича. Высокое и широкое крыльцо, ступени которого обделаны белым мрамором. Здесь, как мне стало известно из определенных источников, вот-вот начнется, закрытое для прессы и иных любопытствующих господ, оперативное совещание ответственных сотрудников правоохранительных органов региона. Меня, само собой, никто не пригласил, однако горю желанием пройти и послушать разговор, так сказать, «не для печати». Заранее знаю: на таком совещании прозвучит немало любопытного, будут оглашены такие сенсационные факты и фактики, за которые любая газета тотчас же зубами уцепится. К тому же мне прежде хотелось (и сейчас не утратил сего желания) быть информированным побольше, чем другие журналисты-коллеги. Понимаю: обычное журналистское удостоверение тут подействует на организаторов, как красная тряпка на разъяренного быка. Но у меня есть другие «корочки». Из недавнего прошлого. В них нет указания на мою профессиональную принадлежность к журналистскому братству, зато есть более существенное для подобного случая – печать с двуглавым орлом по центру и собственноручная подпись самого главного начальника ГлавУпра, генерал-лейтенанта. Просрочено, конечно, но тешу себя мыслью, что сего нюанса не заметят.

Вхожу. Вахта. И сразу же смущен: вместо офицера в форме и при оружии, на вахте встречается роскошная блондинка, причем, и уж это-то вовсе бьет по темечку, совершенно голая. Не хочу, а тотчас возбуждаюсь: естественная реакция здорового организма, однако... Солидное мероприятие и здесь такое?! Слишком смелое новшество организаторов. Все, что ниже пояса блондинки, скрыто стойкой, но, совершенно очевидно для меня, на ней нет даже крохотных пляжных трусиков. Зато (очевидно, в качестве компенсации) на точеной шее блистает большое кольцо, а на запястьях тонких и длинных пальцев – золотые кольца с огромными бриллиантами.

В голове логичная мысль: «Может, подъездом ошибся? Не туда, куда мне надо, попал?» Все возможно, но, вижу, за спиной блондинки, чуть поодаль прохаживаются строгие офицеры (судя по всему, участники совещания, а иные даже мне знакомы), прохаживаются и на блондинку на вахте – ноль внимания. Будто так и надо. Будто что-то обычное и привычное им. Я же – неловок, а потому скован. Пытаюсь отвести глаза, но мне этого не удастся: девичьи прелести притягивают как магнитом.

Стою и в нерешительности топчусь на месте. Девушка, догадавшись насчет моих нынешних чувств, входит в мое положение, спешит помочь преодолеть неловкость. Она спрашивает, ласково разглядывая меня своими глазками-изумрудинками: «На совещание?» Я лишь киваю. Девушка продолжает: «Ваши документы?» Достая из нагрудного кармана и протягиваю все также молча. Девушка, мельком взглянув на фотографию в удостоверении и на меня, качает головой. Она говорит: «Этого недостаточно... Необходим вкладыш-допуск на подобного рода совещания, – я достаю пластиковую карточку и протягиваю ей. Она смотрит, а потом опять же качает головой и строго смотрит на меня. – Не до конца оформлен допуск... Почему?» Гляжу на блондинку и думаю: «При подобном виде этикие строгости как-то не к лицу».

Хрипло (в горле пересохло) подаю свой голос: «Не беда... Печать есть? Есть. Подпись генерал-лейтенанта на месте? На месте. Если, – убежденно добавляю я, – так уж нужно, то фамилию, имя и отчество могу сейчас от руки вписать... Не проблема». Девушка смотрит с укоризной. Но тут слева из-за угла появилась другая блондинка и опять же в чем мать родила. Смотрю и оцениваю: «Краше первой... Будто с обложки глянцевого журнала...»

– В чем дело? – спрашивает вторая первую. Та протягивает ей мой вкладыш-допуск. Девушка смотрит и машет рукой. – Ничего страшного... Главное – печать и подпись первого лица на месте... Пойдемте, – она жестом приглашает. – Я провожу в зал.

Мы идем бок о бок и на нас окружающие не обращают никакого внимания. «На меня – понятно, – думаю я, – но как можно оставаться равнодушными к той, что рядом? – я фыркаю недовольно. – Не люди, а манекены ходячие». Я, осмелев, скашиваю глаз на свою спутницу, останавливая взгляд то на ее грудях, то (я просто чувствую) на упругих ягодицах, эротичнодвигающихся при ходьбе. Девушка возбудила мою старческую плоть до того, что... Готов... Если б не публика, то...

Приходим в зал. Девушка усаживает меня за один из столиков, сама же (я думал, что тотчас же, исполнив свою миссию, уйдет) устраивается за тем же столиком, напротив меня. Совещение, вижу, еще не началось. Касаясь моего плеча, сидит совсем юный лейтенантик (пожалуй, только-только выпущен из училища). Высунув розовый язычок, он быстрым и мелким подчерком-бисером что-то строчит на бумаге. Юноша даже не взглянул на мою спутницу. Как можно, когда я сгораю от возбуждения?! Что такого важного может быть, чтобы остаться равнодушным к подобной красоте? Понимаю, что неприлично, но все-таки скашиваю в его сторону глаз: «Начальнику главного... Рапорт... Сим уведомляю...» Ясно: парнишка строчит донос. Он мне неинтересен. Мне интересна блондинка, что напротив. Она сидит, чуть отвалившись на спинку стула, полуприкрыв влажные глаза и пощипывая своими пальцами сосочки груди. Мне хочется погладить, но... Народ кругом, а тут рядом еще этот... со своим рапортом.

Нет у меня больше мочи. Я под столом (он, к счастью, не широк) легко дотягиваюсь до колен блондинки. И даже дальше, глубже. Где жарко и уже влажно. Где шелк русских кудряшек. Девушка (я чувствую) мелко-мелко подрагивает и не препятствует моим ласкам. Смелею все больше и больше. Девушка поощряет: когда моя ладонь пробует вернуться на исходную позицию, то есть на колени, то ее промежность сжимается, стискивая мою ладонь, не отпуская ее. Препятствие для меня не ахти, но оно приятно. А потому стремлюсь дальше в райскую глубь.

Изнемогаю. Какая обида, что все это происходит прилюдно, нельзя взять и...

Блондинка начинает тихо постанывать и выгибать спину. Значит? Ей тоже доставляю удовольствие. От осознания этого я на седьмом небе. Я встаю со стула и...

...Во второй раз за ночь пробуждаюсь ото сна. Это, да, не сны праведника. Это – сны греховные. Но что мне делать, если они приходят и приносят минуты наслаждения? Отказаться? Но как?!

Врать не буду: такие сны сладки. Однако где-то слышал, что видеть во сне голых людей – не к добру. Так ли? Поживем – увидим. Пока ясно лишь одно: внутри меня живет дьявол-искуситель, который испытывает меня. Даже во сне. И я, как видно, перед его искусом оказываюсь слабым, неготовым к противодействию.

Грешник я? Ну, конечно!..

Прощай, иллюзия

Телевизионная студия. Стрекочут без всякого удержу камеры, слепят, обдавая жаром, многочисленные софиты. Суета: режиссер – весь на нервах, его многочисленные помощники, беспрестанно подстёгиваемые зычным лаем шефа, бестолково бегают из конца в конец, а операторы, которым также достаётся, равнодушно и вполголоса посылают всех подальше.

Съёмки предыдущего сюжета, а их в программе, как я понимаю несколько, благополучно закончены. Режиссер достаёт из-за пазухи нечто, издали напоминающее скатёрку, и усердно трет красное, как спелый помидор, вспотевшее лицо, потом идет к столу, стоящему за правой кулисой (только я вижу), наполняет гранёный стакан чем-то, похожим на водку, на одном дыхании опорожняет и закусывает крепким кряканьем.

Женщина-администратор неопределённого возраста начинает и меня готовить к предстоящей съёмке. Она критически осматривает с ног до головы и почему-то беспрестанно фыркает, будто старая лошадка, уставшая от долгого пути, а потом берет за руку, как какое-то дитя, и ведет к глубокому креслу, стоящему по центру полукруглого подиума, усаживает; заметив, что на моей голове вздыбились редкие седые волосёнки, оглаживает шершавой ладонью.

Я, по-барски усевшись в кресло, незаметно для окружающих ладонью трогаю обивку. Определяю: «Натуральная, хорошо выделана, тонко». Это я оцениваю кожу, которой обтянуто подо мной кресло. Думаю про себя: «Больших, похоже, денег стоит». Моя значимость в этом мире повышается, выпрямляю спину и обретаю еще более гордую осанку: знай, дескать, наших; тоже ведь не лыком шиты.

Из-за кулисы появляется прилично пободревший режиссер.

– Ну, – истерично визжит он, – тронулись!

Я расплываюсь в ухмылке. Это – по поводу команды режиссера. «А вы тут все, – говорю про себя, – давно и безнадежно тронутые».

Из-за блуждающей по мне ухмылки мне кажется, что выгляжу идиотом, поэтому всё смахиваю с лица, обретаю глубокомысленный вид, вид творца.

Слева от меня, чуть поодаль – стол (почему-то весь обшарпанный, не иначе, позаимствованный на помойке), а за ним – трое: двое тощих мужчин и между ними – дородная, пышущая здоровьем, дама. Понимаю: это в их руках моя судьба, это им предстоит критически оценивать. Мелькнул вопрос: «Интересно, что именно выбрали из множества, мною написанного?»

Первой начинает обозревать пышнотелая дама. Голос с хрипотцой (то ли пьет много, то ли сутками смолит), после каждой произнесенной фразы, вижу, упирается в шпаргалку, лежащую перед глазами.

– Из двух текстов, – говорит, – отобранных жюри для финала, я бы, – говорит, – очень и очень высоко оценила рассказ «Горели свечи на столе». Удивительно, – говорит, – трогательная история и автором рассказана проникновенно, с большой любовью к героям. Извините, – говорит и достаёт из-под обшлага крохотный платочек, сосредоточенно удаляет влагу, появившуюся в уголках глаз, – все еще нахожусь под впечатлением и не могу сдерживать эмоций.

За моей спиной, где зрительные ряды, слышу шмыганья носами и поддерживающие аплодисменты. Понимаю: сейчас все камеры берут меня крупным планом, поэтому, слегка отвалившись на спинку кресла, склонив голову чуть вправо, занимаю позу триумфатора.

Тут загундосил один из тощеньких, тот, что слева от пышнотелой дамы.

– А я, сударыня, – говорит и недовольно крутит лысеющей головой, – придерживаюсь прямо противоположного мнения.

За моей спиной по рядам зрителей проходит недовольный шумок.

Дама, криво усмехнувшись, парирует:

– Сколько людей, столько и мнений... Ваше право, сударь, соглашаться или не соглашаться, однако... знаете ли... Хотелось бы услышать хоть какие-то аргументы.

Тот самый «сударь» счастливо хихикнул и вновь загундосил:

– Пустые рассказы... Штапованные фразы... Скуден словарный запас... Графомания, одним словом, и ничего более.

За моей спиной зрители уже вслух выражают недовольство и возмущаются, как они считают, облыжными аргументами критика. Это меня вдохновляет. Хорошо, когда кто-то поддерживает. И позволяю себе поспорить... Про себя. «В конце концов, – говорю, – пишу не для подобного рода критиков, а для простого читателя, такого, который за моей сейчас спиной. Графоман? Ну и что с того? Я, в самом деле, сильно увлечен (можно сказать, маниакально) написанием текстов, но кому от этого дурно, а?»

Встревает вертлявый парнишка, ведущий.

– Хорошо, хорошо, – останавливает он гундёж, – все и всё давно поняли, – ехидничая, укалывает, – даже зрители. Видите, как они одобряют вас?

Я – на седьмом небе. «Надо же, – думаю, – даже ведущий на моей стороне!»

Парнишка-ведущий, глянув в бумаженцию-шпаргалку, что у него в руках, говорит, обращаясь к членам жюри:

– Вы пропускаете претендента в финал конкурса или нет?

В свою пользу получаю даже два голоса, хотя достаточно было и одного, а он был обеспечен пышнотелой дамой еще в самом начале.

Режиссер, перебивая громоподобные аплодисменты зрителей, орет, что есть мочи:

– Все, все, все! Снято! Ты, – это он адресуется ко мне, – свободен!

Встаю с удобного кресла, отряхиваюсь и, важничая, будто полководец, одержавший только что величайшую в истории человечества победу, покидаю студию. В коридоре останавливаюсь. Слева из-за двери слышу звуки музыки и голоса. Зачем-то открываю и вхожу. Вижу множество столиков, один из них свободен. Подхожу и сажусь. Оглядевшись, понимаю, что нахожусь во второй половине той самой студии, где только что меня снимали и где я испытал триумф.

И тут рядом, разряженный в пух и прах, усаживается за моим столиком какой-то франт. Думаю: «Не иначе, клоун-циркач». Скосив глаз, вглядываюсь. Боже мой, это же Алёшка Маевский, друг юности! Откуда он? Что он-то здесь делает?»

– Давно не виделись, – даже не поздоровавшись, говорит Алёшка. – Сколько в реках воды поутекло.

– А ты, – придиричиво оглядывая друга, говорю я в ответ, – ни капельки не изменился, по-прежнему франтишь.

– Да, ладно, – зачем-то говорит Алёшка, – расслабься! Будь проще! Как-никак, близкие люди.

– Лёш, – обращаюсь я, – как ты тут оказался? Ты же, насколько мне известно, давно в Восточной Сибири осел.

Алёшка не успевает с ответом: у стола, будто из-под земли, вырос тот самый вертлявый парнишка-ведущий и, ткнув микрофоном мне в нос, спрашивает:

– Ваши впечатления от шоу? Довольны ли?

Вопросы, как я понимаю, адресованы мне. Я собираюсь с мыслями. Меня опережает Алёшка.

– Все нормально, – говорит, – только конкурсанты у вас сплошь перестарки, советская рухлядь. Где молодые таланты? Почему их не пригласили? – мне чуть-чуть обидно: и вовсе я не рухлядь, а даже местами очень ничего. И ведь кто обзывается? Дружок старинный. Сказать? Нет, удерживаю себя от дерзости. А Алёшка продолжает. – В Екатеринбурге десятки очень способных пишущих журналистов – и поспособнее и поразнообразнее.

– И кого же следовало пригласить к участию в литературном конкурсе? – спрашивает ведущий и теперь уже тычет микрофоном в нос Алёшке.

Алёшка тут же начинает перечислять фамилии. Увы, ни одна из них мне не знакома.

– Видели бы, – говорит, – какие прекрасные вещи пишут!

Я, сердясь, спрашиваю:

– Откуда тебе-то знать?! Ровно сорок лет, как с Урала сбежал. И носа ни разу не показал.

Заиграла музыка. Вертлявый ведущий так же внезапно исчез, как и появился. Сидевшие за другими столиками, разбившись по парам, завальсировали. Я остался на месте. Не надолго. Рядом появилась женщина. Поднимаю глаза и, изумившись, ахаю: это же народная артистка Глафира Умнова, звезда первой величины уральской драмы. Если и видел ее прежде, то только на сцене.

Звезда дергает меня за рукав.

– Чего сидишь? – по-свойски, будто тысячу лет знакомы, спрашивает она и предлагает. – Пошли танцевать.

Я – в полной прострации и не знаю, что сказать в ответ. Встаю и переминаюсь с ноги на ногу. Мне очень неловко. А она настойчиво тянет в сторону танцующих. Понимаю: своим отказом нанесу оскорбление очаровательной женщине. Объяснить, что я не танцую? Не поверит. Что же делать? Нехотя, но иду в след звезде и пытаюсь объясниться.

– Я, видите ли... Плохой танцор... – говорю и смущенно прячу глаза. – Точнее – никакой.

– Да, ладно, – Глафира нежно склоняется к моему плечу, – будет скромничать. Талантливые люди – талантливы во всем.

– Это правда, – продолжаю гнуть свое.

– Не переживай, – говорит звезда, – зато я прекрасная танцовщица. Я поведу, а ты на время станешь ведомым. Не оскорбишься, нет? Ведь писатели все такие обидчивые.

И мы танцуем. Я понимаю, что со стороны выгляжу не столько нелепо, сколько уродливо. А ноги? Деревяшки и совсем не гнутся.

– Не притворяйся, – уже почти сердито говорит народная артистка. – Смотри: раз-раз, раз-раз... И всего-то.

Как самый прилежный ученик, пробую повторить движения, но из затеи все равно ничего не получается. Галина Умпелева смотрит и хохочет.

– Так ты серьезно не умеешь танцевать?

– Зачем мне врать-то?! С такой-то партнершей только бы и кружиться в вальсе – мечта! От стыда сгораю.

– Да-а-а, – разочарованно тянет звезда, – а еще говорят, что...

Следует тяжелый мой вздох.

– Перед вами, – говорю, – наглядное подтверждение ошибочности такого утверждения.

Иду к своему столику, извинившись перед звездой. Алёшка, вижу, отворачивается, а на лице его – туча.

– В чем дело?

– Ей бы меня пригласить, – обидчиво говорит друг. – Ух, я бы!..

Знаю: Лешка так ловко вальсирует, так красиво умеет водить партнершу, что женщины умирают от восторга. У меня не находится слов, чтобы утешить друга юности.

Не проходит и минуты, как рядом со мной оказывается молодая брюнетка в черном бальном платье с глубоким вырезом спереди, откуда пытаются все время выглянуть и показаться во всей своей красе острые небольшие груди. Слышу, как Алёшка буркнул: «Как мухи на мед... Так и льнут... было бы из-за чего... Подумаешь, нацарапал кое-как рассказец». Я – не в обиде. Пропускаю мимо ушей. В другое время не стерпел бы, а тут же... Ситуация другая: рядом молодая женщина, от вида которой у меня слюнки текут. Женщина не спускает с меня огромных темных глаз, облизывая губы, будто приглашает к чему-то большему. Я мысленно задаюсь

вопросом: «Фанатка, что ли? Вот что означаю несколько минут славы... Еще чуть-чуть и толпами станут ходить».

– Могли бы, – говорит ни с того, ни с сего женщина, – и в гости ко мне заглянуть.

– Позвольте, – говорю, – мы совсем незнакомы... Да и... Предлог нужен... Приглашение...

– А так, запросто, нельзя, что ли?

– Неприлично, – без всякой убежденности аргументирую я.

– А, бросьте вы! Приходите на день рождения, хорошо? И познакомимся, заодно... поближе. Я-то вас уже давно знаю, внимательно слежу за вашим творчеством.

– Но, – слабо пытаюсь возразить, – у меня не так уж много опубликованных текстов.

– А Интернет?

Я удивлен.

– Вы там нашли?!

– Без проблем, – говорит женщина и тянет в мою сторону слегка припухлые и бледно-алые губы.

Нестерпимо хочется соединиться в поцелуе, почувствовать жар этих молодых губ, я готов, но что-то в последнюю секунду останавливает. На глаза наплывает туман, всё исчезает, смолкает музыка...

...Слышу, как из соседней квартиры кто-то выходит и хряпает железной дверью. Проснувшись, открываю глаза. Новое утро наступило. Глубоко выдыхаю, потягиваюсь и встаю с постели.

Прощай, иллюзия...

Последняя воля

Происходящее мне понятно: конференция регионального отделения компартии близка к завершению. В зале – скукота: ни дебатов острых, ни интересных идей. Как в замечательные советские времена.

С грустью вздыхаю: каких-либо перемен не вижу, хотя внутривластьная жизнь острее нуждается в обновлении, если компартия хочет выжить, потому что она давно уже не является единственной и правящей, а пребывает в глухой оппозиции, точнее – в глубочайшей обороне.

Нет-нет да проскочит мысль: а я-то что здесь делаю? Вроде бы, не сторонник нынешних коммунистов, идеи их мне и не близки и не понятны. Достаяю из нагрудного кармана красный мандат с изображением Ильича, чтобы удостовериться, не ошибся ли я дверью? Нет, все в порядке: тут вот черным по красному написано: «Избран делегатом от партиячейки...»

Похоже, признаки старческого склероза начинают одолевать. Ведь каких-то два месяца назад неожиданно для самого себя стал секретарем одной крохотной парторганизации, и забыть такое...

По правде-то сказать, я не оправдал надежд тех, кто делегировал меня. Шел-то я с каким наказом? А вот с таким: на конференции взять слово и раздолбать верхушку региональной организации, погрязшую, как считают избравшие меня члены ячейки, в междоусобных сварях, вчистую их распатронить.

Да, не оправдал. А почему? Слово мне не дали, хотя пять записок в президиум послал. Конечно, мог бы и поборзеть (с меня станется) и самовольно подняться на трибуну. Не поборзел: что-то на этот раз желания не вспыхнули.

Огорчительно: находясь здесь и слушая бубнения с заранее заготовленных бумажек, впускаю трачу время. Где-то глубоко внутри точит червь досады на самого себя: мог ведь взорвать своим выступлением благодушную атмосферу конференции, расстроить идиллические настроения, но ничего не взорвал и ничего не расстроил. Значит? В самом деле, сегодня у меня пустопожее занятие.

Последний перерыв. Впереди – завершающее пленарное заседание конференции. И от этого заседания не жду никаких неожиданностей. Сюрпризы? А откуда им взяться, если заранее вижу, как выходит председатель счетной комиссии и оглашает итоги тайного голосования по выборам нового руководства... Да и новое ли? Разве что первый секретарь обкома... И тут даю руку на отсечение, что получит абсолютное большинство не претендент из Москвы, а неизвестная никому бабёшка из глухой провинции, по профессии бухгалтер-счетовод. Серая мышка, конечно, но, по мнению делегатов, все равно лучше, чем кандидат Москвы. Заваливающий кандидат, да свой, доморощенный. Хотя... Москвич ведь тоже не всегда был москвичом: двадцать лет назад уехал от нас, устроился под широким крылом приятеля по студенческой скамье.

Слоняюсь из угла в угол. В фойе Дома политпросвещения (простите за ошибочку: назвал по старинке, потому как теперь-то это театр эстрады) – ни азартных политических споров, ни иронических реплик, короче – одни равнодушные лица. Всматриваясь в них, думаю про себя: да, с этими людьми каши не сваришь и на предстоящих выборах в облдуму никогда не получить большинства; компартия, в чем я убежден, догнивает-таки, дышит на ладан и уже дурно пахнет от нее. Осознание сего не радует и не огорчает меня. Потому что и моя душа взята в полон всеобщим равнодушием. Если так, говорю сам себе, то зачем шел на конференцию? Надеялся? Спрашивается, какие основания для надежд? Их не было, их нет. Уповал на чудо? На то, что коммунисты в конце концов очнутся? Освободятся от летаргического сна и возмутятся? Разорвут опутавшие их тенета прошлого и скажут свое твердое «нет»? Да, скрывать не стану, теплилась во мне крохотная вера, но и она с первых же минут работы конферен-

ции испарилась и, обратившись в бледную дымку, уплыла прочь. Дамокловым мечом навис над делегатами всесильный всепобеждающий регламент, не позволяющий никаких сюрпризов в виде, скажем, дискуссии или легкого спора с руководством. Как сказал в своем вступительном слове (еще в начале конференции) представитель Москвы, «это солидное и столь представительное собрание – не есть место для пустопорожних споров и никчемных дебатов; наоборот, уточнил он, следует продемонстрировать согласие и единство, монолитность коммунистических рядов на нынешнем этапе развития общества».

...Гляжу на часы: перерыв заканчивается и вот-вот звонок позовет делегатов в зал. И тут кто-то сбоку дергает меня за рукав. Поворачиваю голову: лицо дёрнувшего мне незнакомо. Спрашиваю и почему-то довольно грубо, что совсем мне несвойственно:

– В чем дело? Чего дергаешь?

– Выйдем в «предбанник», – говорит незнакомец и кивает в сторону выхода из фойе, – тебя там ждет...

– Ждет? – переспрашиваю я и тотчас же спешу сам же ответить. – Никто меня не может ждать. К тому же, – я взглядываю на наручные часы незнакомца, – перерыв закончился и...

Незнакомец прерывает:

– Успеешь... Разговор серьезный, но короткий, – он, замечая, пристально вперился в меня и ехидно так спрашивает. – Или сдрейфил?

– Ну, да! – тотчас же взвинчиваюсь я. – Это кто тут сдрейфил? Не на того напал.

– Да? Тогда – идем, – говорит незнакомец и направляется в сторону «предбанника».

Послушно следуя за ним. Вот за мной закрывается стеклянная дверь, отделяющая меня от фойе. Осматриваюсь. Замечаю справа, в углу, стоящего ко мне спиной, высокого, широкого в плечах седовласого мужчину. Кого-то со спины он мне напоминает, но кого? Смотрю на того, который привел меня.

– Ну и?..

Не успеваю закончить фразу-колкость. Потому что вижу, что мужчина, стоявший ко мне спиной, поворачивается. От изумления тихо ахаю и отказываюсь верить своим глазам.

– Вы?! – с трудом выдавливаю из себя.

– Хе-хе-хе, – смешок мне показался легкомысленным, – а то кто же!?

– Но ведь вы... – попытка закончить мысль решительно прервана.

– Обо всем – потом, – он рубит широкой ладонью воздух. – Не будем терять время.

– Борис Николаевич, а все-таки, что вы здесь делаете? – нахально, как мне кажется, спрашиваю я.

Лицо того, кого назвал «Борисом Николаевичем», недовольно передергивается.

– Потом-потом, а сейчас... Ты мне нужен...

– Я? Вам?! Это не ошибка ли, Борис Николаевич?

– Я никогда не ошибаюсь, – возражает решительно мой собеседник, а по усталому лицу пробегает тень улыбки.

А усмешка, отмечаю про себя, получилась печальной.

– Ну, – в нерешительности и, не смея поверить в происходящее, переминаюсь с ноги на ногу, – если нужен, то...

Борис Николаевич берет быка за рога.

– Есть порученьице...

– Вы?... Мне?... Поручение?..

– А чему ты удивляешься? Кому, как не тебе могу сегодня довериться?

– Но... – я по-прежнему смущен и растерян, – я же не...

– Короче, так, – Борис Николаевич вновь рубит воздух широченной ладонью. – На конференции присутствует нынешний москвич, а в прежние времена – наш с тобой земляк...

В ответ киваю и, набравшись храбрости, даже прерываю:

– Знаю, о ком речь... Его Москва прочит в первые секретари, да вряд ли из этого что-то выйдет. Делегаты не настроены...

– Выйдет или нет, – отвечает Борис Николаевич, – это дело десятое. Его партийная карьера меня не волнует и...

Верх, конечно, наглости с моей стороны, однако опять прерываю.

– Но он, – напоминаю, – ваш друг... Все знают...

– Да, – Борис Николаевич по-прежнему грустно улыбается, – друг и... Еще какой друг!

– Со студенческой поры, – спешно подсказываю я и резюмирую. – Если б не ваша протекция, то кто б его нынче знал?

– Увы, – Борис Николаевич тяжело вздыхает, качая головой, и на широкий и прямой лоб, испещренный шрамами времени, то есть глубокими морщинами, ниспадает знаменитая прядь волос, – ошибался.

Тут, наглея окончательно, рублю по-кавалерийски – наскоком и сплеча.

– Уж вы так доверчивы, – говорю и осуждающе хмыкаю, – и не разборчивы в выборе друзей, а столь многие и такие горькие разочарования не шли впрок.

– Может быть... Может быть, – совсем не так уверенно, как хотелось бы мне, отвечает Борис Николаевич.

Я изумленно смотрю ему в глаза.

– Вы... все еще сомневаетесь?!

Борис Николаевич согласно кивает.

– Не хочется верить, что все...

– К сожалению, все, – решительно заявляю я. – Даже земляки... Кто-кто, а они-то всем по гроб своей жизни обязаны... Хоть тот же Глеб Бурбулюк или Лана Мишина... На вашей могучей спине вы многих вывели, – окончательно распаляюсь и продолжаю. – А ваши генералы? Можно сказать, в свою семью ввели... Куда еще ближе... А они?

Борис Николаевич разводит руками и вновь тяжело вздыхает.

– Это правда: некоторые подвели.

– Некоторые? Подвели? – в ужасе переспрашиваю я и сам же отвечаю. – Не некоторые, а все и не подвели, а предали. Предали незаслуженно. Впрочем, – тотчас же поправляюсь, – заслуженных предательств не бывает.

– Это ты про кого? – спрашивает он, хотя по его глазам вижу, что ответ на собственный вопрос он прекрасно знает.

– Назвать, да?

– Уж изволь, голубчик.

– Весь-то список длинный, Борис Николаевич... Ну... Хотя бы Муцкой, Коржавин, Безбородов, Скворцов.

– А тут, братец, поподробнее... Аргументики надобны, аргументики.

– Вам, Борис Николаевич, еще и аргументы подавай, да? Будто вы их не знаете.

– Положим, не знаю, – ухмыляясь, отвечает он.

– Ну, если так... Первый...

– Это, значит, Муцкой, да?

Чувствую иронию, но не реагирую, а продолжаю:

– Первый, возомнив себя таким наполеончиком, всадил нож вам в спину, причем, по самую рукоять...

– А второй? – все также иронично спрашивает Борис Николаевич.

– А он на всех углах рассказывает про вас всякие небылицы и ему верят, потому как уж слишком был приближен... Это ли не подлость?

Борис Николаевич вновь глубоко вздыхает. Откинув со лба упавшую прядь волос, еле слышно признается:

– Верил... да... всем верил... А они... Вот как...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.